

О.В. Балясникова

**Язык как инструмент конфликта
и конфликтогенные языковые процессы
в современном мире: Славянский ареал.
(Обзор)¹**

Аннотация. Представлен обзор работ, посвященных анализу языковых ситуаций в ряде современных стран. В контексте глобализационных (интеграционных) процессов рассматривается взаимосвязь языковой политики с общими социально-политическими тенденциями; особое внимание уделяется национальной идентичности носителей разных языков в новых суверенных государствах в аспекте интегрирующей / дифференцирующей функции национального языка. Выявляются конфликтогенные тенденции, существовавшие в историческом прошлом культур и языков и существующие в современной ситуации межъязыкового/межкультурного взаимодействия.

Abstract. The review observes papers devoted to language situation analyses in some countries. The interdependence of the language situations and the general social-political tendencies is investigated in the context of globalization (integration) processes. Much attention is paid to national identities, formed by native language speakers in the new independent countries from the perspective of the integral/differential function of the language. Some conflictogenic tendencies of the culture and language interaction in earlier historical periods and at present time are analyzed.

---

¹ Обзор подготовлен в рамках проекта № НШ-5740.2014.6, финансируемого по программе государственной поддержки ведущих научных школ РФ.

Ключевые слова: языковая ситуация, национальная идентичность, глобализация, межэтнические конфликты.

Keywords: language situation, national identity, globalization, interethnic conflicts.

Роль и статус языка тесно связаны с этнической историей его носителей, поэтому не случайны классические трактовки языка как «этнического определителя» (14), «вербального кода культуры» (23): «Являясь важнейшим коммуникативным средством, язык в то же время выполняет и весьма существенные сигнификативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителя к определенной группе» (7, с. 54).

Одна из основных функций языка состоит в его способности быть средством объединения и разделения индивидуумов и групп. Эти процессы в историческом развитии языков являются естественными, однако они могут быть инициированы извне, приводя к межъязыковым и межэтническим конфликтам, в крайних своих формах способных привести к языковому и этническому сепаратизму.

Указанные проблемы находят свое отражение в ряде современных публикаций, обзор которых предлагается в настоящей статье. Основную часть обзора составляют две работы – коллективные монографии, посвященные межэтническим / межъязыковым отношениям в зоне славянского ареала. Концептуальное единство этих работ состоит в следующем: 1) во внимании к взаимообусловленности языков и национальной (этнической) идентичности их носителей; 2) в судьбе языков после распада СССР; 3) в современных условиях существования языков; 4) в конфликтогенных тенденциях как в историческом прошлом языков и культур, так и в ситуации современного межъязыкового/межкультурного взаимодействия; 5) в роли государственной языковой политики в условиях поликультурности и глобализации.

В этом отношении важно выявить, как связаны языковые и иные процессы, влияющие на носителей этих языков, как трансформируется национально-культурная идентичность носителей современных языков, в том числе языков этнических меньшинств, и к каким неблагоприятным последствиям, включая языковой

(и иной) сепаратизм, это приводило в прошлом или может привести в будущем.

Многих исследователей данных проблем объединяет идея о том, что общественно-политические процессы XX–XXI вв., такие как «национальное возрождение», суверенизация, интеграция и ее наиболее радикальный этап – глобализация, – характеризуются неоднозначностью и значительной противоречивостью протекающих процессов, что не может не влиять на социокультурное самочувствие как отдельных людей, так и целых общностей. «В переходную эпоху, – пишет, например, С.В. Бирюков, – начинают разрушаться важнейшие принципы индустриального общества: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация... Общество все чаще и чаще оказывается в неравновесном состоянии, состоянии внутренних конфликтов и бифуркации (разветвления, множественности путей развития), когда случайность, неопределенность, риск начинают играть в нем заметную роль...» (5, с. 5).

Приобретение политического значения регионами приводит к желанию политической автономии, что, по мнению автора, особенно характерно для исторически «безгосударственных наций», имеющих свою идентичность, таких как Каталония, Шотландия или Уэльс. Идея суверенитета возникает тогда, когда безгосударственные нации, пересматривая свою историю, ставят под вопрос идеологию государства, его законность.

Оценивая ситуацию на постсоветском пространстве с позиций политологии, В.И. Бакланов отмечает множественность проявлений конфликтов: среди них выделяются этнотерриториальные, этностатусные (связанные с отношениями титульного и нетитульного народов), этноэкономические и этноконфессиональные. Размышляя над проблемой сепаратизма, автор отмечает, что существующее убеждение, согласно которому если решены экономические проблемы, то ассимиляция проходит легко, справедливо лишь отчасти: вполне развитые этнические общности могут остаться верны своим этнополитическим требованиям.

«Природу базовых противоречий между этносами, – пишет автор, – исследователи видят в особенностях этнического самосознания и национального характера – сами по себе этнические деления порождают конфликтность. Однако сравнительные исследо-

вания в области этнической конфликтологии продемонстрировали ограниченность и психологического подхода: *этнические конфликты зачастую возникают и при отсутствии языковых, конфессиональных или ментальных различий*» (3, с. 80–81) (курсив мой. – О.Б.).

Одним из важнейших оснований межгосударственных конфликтов становится положение именно иноязычного населения, в том числе русскоязычного, на территории бывшего СССР (особенно в странах Балтии). В числе сохраняющихся тенденций наряду с ростом бытового национализма и вытеснением русских из общественно значимых профессий называется «сужение русскоязычного пространства» (3, с. 81). В частности, анализируя положение русскоязычного населения на Украине, автор замечает, что открытая антироссийская политика Украины, провоцирующая этнокультурное противостояние между украинцами и русскими, между крымскими татарами и русскими, способна привести к межэтническим конфликтам и распаду страны по этнокультурному признаку.

Показательно в этом отношении замечание Е.А. Погорелой: «Не имея своей государственности, подвергаясь целенаправленному давлению советской идеологии, интенсивно трансформирующей русскую этничность в “советскость”, русский этнос ассоциировал свою национальную культуру прежде всего со своим высокоразвитым языком. Эмоциональная реакция на акт законодательного закрепления статуса государственных только за языками “титულных” наций в ходе языковой реформы конца 1980-х – начала 1990-х годов была естественным выражением этнических чувств местных русских, которые объективно расценили эти действия как акт посягательства на базовый компонент системы их этнической идентичности и попытку трансформации лингвокультурной основы социальных потребностей» (20, с. 361).

При этом «титулные» лидеры (20, с. 380), разрушая идеологическими средствами социокультурный статус русских, недооценили естественную мобилизацию творческих сил личности в стрессовой ситуации, определяющей стратегию поведения личности, т.е. естественный протест. Его естественность обусловлена особенностями проводимой языковой политики – категоричностью и обязательностью, с одной стороны, и декларативностью и недифференцированностью требований – с другой, в результате чего

исторически сложившаяся культурно-языковая модель толерантного взаимодействия была разрушена.

Тема этнических и межъязыковых конфликтов освещается в коллективной монографии «Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы» (9), посвященной взаимодействию этносов, языков и культур. В предисловии отмечается, что целью исследования являются всестороннее изучение приоритетных вопросов и выработка рекомендаций по предупреждению реальных и потенциальных конфликтов в области межэтнических, межкультурных и межъязыковых отношений. Особое внимание уделяется глобализации, понимаемой как новая фаза интеграции и метафорически обозначенной как «болевая точка» в развитии мирового сообщества. Именно здесь и ожидается возникновение этноязыковых и этнокультурных конфликтов, отмечается в предисловии.

В рамках данной коллективной монографии рассматриваются вопросы функционирования национальных языков, которые становятся инструментом конфликта, а иногда и (во всяком случае, декларативно) поводом для такового.

Констатируя существование полиэтнических языковых ситуаций почти во всех современных государствах, М.Б. Ешич (11) полагает естественным существование этноязыковых проблем как части этнокультурных. Поскольку языки являются «неотъемлемым и важнейшим компонентом культуры любого этноса, а тем самым и его этничности, компонентом, в котором зафиксирован очень важный для жизни людей фонд информации, накапливаемый каждым этносом веками» (11, с. 34–35), сохранение этого фонда имеет для каждого народа первостепенное значение.

Важное замечание о закономерностях языкового развития в современный период делает Г.П. Нецименко (15). Оно состоит в том, что общественно-политические и социально-экономические преобразования завершились одномоментным сломом общественно-экономической формации и мировоззренческих установок. Поскольку языковое развитие, отмечает автор, является динамичным и противоречивым одновременно, подобное сочетание служит источником напряженности в развитии внутри- и межэтнической языковой ситуации.

Интеграционные процессы, как указывает цитируемый автор, протекая ускоренно, вышли за рамки конкретного региона и приобрели глобальный характер, изменилось их качественное содержание. Кроме того, существует стремление приспособить языковое обеспечение коммуникации к актуальным экономическим и политическим интересам (отметим, что эта мысль в том или ином виде встретила нам во многих работах).

Суть происходящих процессов Г.П. Нецименко объясняет следующим образом: «В попытках реализовать это стремление не всегда учитывалось, что адекватная симметричная реакция языка невозможна, в том числе и по причине *несовпадения* темпа протекания языковых и экстралингвистических процессов, в частности, наличия существенного разрыва между *стремительным* изменением экстралингвистических обстоятельств, с одной стороны, и *более медленным* темпом естественной языковой эволюции – с другой... Сובлазн форсировать языковое развитие, направить его в нужное для социально-политического заказа русло зачастую оказывается настолько велик, что предпринимаются попытки скорректировать приоритеты проводимой языковой политики, установить адекватное соотношение между политико-экономической интеграцией в европейском и мировом сообществе и интеграционными процессами в языковом пространстве.

Можно лишь сожалеть, что при внесении этих коррективов обычно “не просчитываются” возможные негативные последствия подобного, прагматически ориентированного вмешательства в функционирование этнических языков, особенно в их коммуникативный диапазон. Не принимается во внимание и то, что языки, равно как и культура, представляют собой настолько тонкую и деликатную материю, что неосмотрительное обращение с ними может оказаться пагубным не только для них самих, но и может привести в дальнейшем к острому межэтническим конфликтам» (15, с. 39–40) (курсив автора. – О.Б.).

Автор справедливо замечает, что далеко не каждый этнос готов отказаться от исконных культурных традиций, языкового своеобразия, этнического самосознания во имя идеи интеграции. Причина напряженности и конфликтов видится в столкновении двух противоположных тенденций: 1) к языковой унификации, сопутст-

вующей интеграционным процессам; 2) к сохранению этноязыкового своеобразия (15, с. 39–40).

Подробно эти противоречия рассматривает М. Вингендер (8) и констатирует, что современная языковая действительность не всегда в полной мере отражает политику государства. Эти явления в странах СНГ описываются в виде следующих антиномий (приводим их сокращенно):

1) государственно-политические условия, благоприятные для титульных языков ↔ недостаточная степень их распространенности;

2) статус государственного языка ↔ пробелы в стандартизации;

3) высокий престиж русского языка ↔ низкий престиж титульных языков;

4) интенсивная поддержка титульных языков (языковая политика) ↔ отношение языкового сообщества к этим языкам.

Опираясь на понятие «стандартный язык», автор выявляет социолингвистические тенденции, затрагивающие славянские языковые сообщества в Восточной Европе. Различаются следующие.

I. Тенденции развития стандартных языков в связи с произошедшим политическим переломом:

1) повышение статуса существующих стандартных языков, расширение сфер их функционирования, что характерно, например, для украинского, белорусского, словацкого языков;

2) ограничение сфер применения ранее широко распространенных или доминирующих языков, что произошло, например, с русским, чешским языками;

3) развитие вариантов полицентричного стандартного языка для их превращения в самостоятельные стандартные языки, что имело место, например, в боснийском, хорватском, сербском языках.

II. Различные социолингвистические тенденции развития:

1) проекты создания письменных языков: развитие и нормирование стандартных микроязыков (кашубский в Польше, русинский в сербской Воеводине и т.д.);

2) процессы развития в рамках языкового корпуса: интернационализация (англизация (8, с. 238)) и демократизация во всех стандартных славянских языках;

3) функциональные потери вплоть до вымирания стандартных языков (например, нижнелужицкий (8, с. 238)).

Новые независимые государства, отмечает автор, начали с принятия языковых законов, связанных с символическим характером языка. Русский язык оказался в статусе языка меньшинств или языка так называемого «нового зарубежья». Однако этот акт вступал в противоречие с объективным положением дел: после распада СССР другие языки оказались недостаточно стандартизированы, нерусское население (в том числе титульное) владело русским языком, притом что часто недостаточно владело собственным национальным языком, среди русских преобладал монолингвизм.

В статье рассматриваются две языковые ситуации: в Республике Татарстан, где русский язык наряду с татарским является государственным, и в Республике Казахстан, где в политико-языковом отношении предпочитается титульный язык. Автор уделяет внимание таким факторам, как: 1) статус русского и титульного языков; 2) принципы языковой политики; 3) сферы применения русского и титульного языков; 4) престижность языков и отношение к ним носителей; 5) степень стандартизации титульных языков. Несмотря на типологическое различие языков, предпринятое сравнение обнаруживает как сходные, так и различные черты языковой ситуации в этих регионах.

Цель языковой политики Республики Татарстан определяется как «симметричное двуязычие». Постепенное упрочение позиций татарского языка, в том числе активная разработка на нем научной и технической терминологии, дает положительные результаты. В то же время престиж русского языка, также и среди татарского населения, довольно высок; свою роль сыграло, по-видимому, и приблизительно равное соотношение численности русского и татарского этносов в республике.

В Республике Казахстан констатируется иная ситуация. Несмотря на то что русский язык функционирует во всех сферах общества, «даже после напряженных дискуссий здесь не выбирают путь Татарстана или Белоруссии: наряду с титульным языком провозгласить русский язык вторым государственным. Слишком велики были опасения того, что продолжение советской модели массового двуязычия означало бы ослабление роли казахского языка» (8, с. 249). Важно, отмечается в статье, что содействие развитию казах-

ского языка часто переходит в оказание предпочтения казахскому этносу, которое воспринимается русскими как дискриминация и вызывает у них опасения в том, что эта дискриминация распространится и на сам русский этнос.

Интересны авторские наблюдения, связанные с возникновением локальных конфликтов на межъязыковом пространстве контактирующих культур. Так, в интернет-комментариях казахи, упрекая русских в неуважении к местной культуре и незнании казахского языка, сами не всегда владеют казахским в совершенстве.

Е.Г. Свинчукова, также изучавшая языковую ситуацию в Казахстане, отмечает особенности картины мира русской диаспоры в этой стране (22). Автор приходит к выводу, что, несмотря на разобщенность диаспоры, у ее членов сохраняется четкая ориентация на русскую культуру. На бытовом уровне отмечается признание высокой ценности русского языка, его первичности как критерия этноидентификации. Более того, престижность русского языка отмечалась даже молодыми казахами, предпочитающими, особенно в городах, общаться между собой на русском языке.

Влияние казахской культуры способствовало большей консолидации русских казахстанцев, в то же время они достаточно открыты к чужой (казахской) культуре.

В Татарстане недовольство в основном связано со снижением роли русского языка в школьном обучении. Однако, как замечает М. Вингендер, в Татарстане и в Башкортостане негативную реакцию вызвали, например, изменения федеральных государственных образовательных стандартов. Согласно комментариям интернет-пользователей, недовольство носителей татарского языка связано с тем, что: 1) занятия по татарскому языку и литературе вынесены за рамки школьной программы; 2) невозможно преподавание родных языков в национальных республиках; 3) регионы не могут принимать участие в составлении учебных программ; 4) теряется право получения образования на родном языке (8, с. 254).

В заключение отмечается, что языковая политика и языковая действительность в Татарстане находятся в наибольшей гармонии по сравнению с другими республиками. По мнению автора, к этническим конфликтам приводит противоборство между языковой действительностью и языковой политикой, и меры, принимаемые в рамках соответствующих программ в новых государствах, способ-

ствуют ослаблению или даже снятию этого противоборства. В итоге констатируется, что «новые титульные государственные языки все еще являются в большей степени *символом суверенности* или *признаком этнической идентичности*, чем широко распространенным средством коммуникации» (8, с. 255) (курсив мой. – О.Б.).

В статье А.Р. Багдасарова (2) рассматриваются особенности хорватско-сербских отношений. Обращаясь к периоду послевоенных лет (время экономической и культурно-идеологической интеграции), автор отмечает важный факт существования литературного сербохорватского языка в качестве языка-макропосредника. Как наиболее распространенный, он обслуживал общение сразу нескольких этносов, а кроме того, превосходил другие языки по сферам применения. Впоследствии вопросам кодификации литературных норм и культуры речи был придан политический и культурно-идеологический характер (1950-е годы XX в.), причем унификация литературного языка как языка преобладающей нации в Хорватии воспринималась как проявление языковой дискриминации и унитаризма и в конце концов привела к усилению хорватского «лингворегионализма» (2, с. 125).

Таким образом, основная причина языковых конфликтов состоит в нерешенности межнациональных отношений, связанных с переходом к конфедеративному устройству государства. «Обострение межнациональных противоречий, – пишет А.Р. Багдасаров, – вызвало в этнолингвокультурной хорватской среде опасение оказаться под господством более многочисленной сербской нации, подвергнуться этноязыковой ассимиляции, что, в свою очередь, придало политическую остроту и языковому вопросу» (2, с. 126). Попытки же юридически соблюсти этноязыковое равноправие оказались, как показывает автор, неудачными. «Хорватское стремление к созданию собственного независимого государства и языка квалифицировалось сербской стороной как проявление “сепаратизма”, “этноязыкового национализма”, – заключает А.Р. Багдасаров. – Сербское стремление к единству государства и унификации единого языка воспринималось хорватской стороной как проявление “унитаризма”, “этноязыковой дискриминации и ассимиляции”. Как видим, цели и задачи сторон в этноязыковом конфликте были диаметрально противоположны. В условиях общей дезинтеграции и децентрализации единого государства распад шестисубъ-

ектной федерации (СФРЮ) и языка хорватов и сербов стал неизбежным» (2, с. 148–149).

Что же касается языковой ситуации на Украине в 1990-е годы XX в., то она характеризовалась как украинско-русское двуязычие с элементами диглоссии. В целом отмечалась противоречивость внутреннего развития языка, колебания языковых норм, обусловленных сосуществованием русского, украинского языков, суржика и притоком нерегулируемых заимствований (13).

В отношении нормирования отмечается установка на устранение русизмов и языковых средств, имеющих аналоги в русском языке. «Официальный литературный украинский язык старательно избавляется от русизмов, иногда заменяя их германизмами и заимствованиями из английского языка: *гелікоптер* (helicopter) вместо *вертоліт*, *вакації* (vacation) вместо *канікули* и др. ...» (13, с. 353).

О.А. Остапчук (19) также приводит характерные примеры устранения параллельных языковых средств, имеющих аналоги в русском языке (*підвалини* вместо *устой*, *виш* вместо *вуз*, *іспит* вместо *екзамен*, *доба* вместо *эпоха*). «Однако, – отмечает автор, – активные усилия украинских кодификаторов по устранению русизмов приносят успех лишь в сфере “высоких” коммуникативных функций, а для повсеместной украинской речевой практики характерно обилие заимствований из русского языка... Преобладание русизмов со сниженной окраской в современной украинской речи отражает масштабное явление: перемещение центра взаимодействия русского и украинского языков из сферы регулируемой в сферу нерегулируемой коммуникации...» (19, с. 642).

В группе «новых» государственных языков, в том числе в украинском, как отмечает этот же автор в другой своей статье (18), уделяется особое внимание вопросам языкового планирования, что имеет аналогии с эпохой формирования единого стандарта в 1920-е годы XX в. Это касается в первую очередь актуализации символической функции языка, расширения сферы использования литературного языка, повышения его престижа, увеличения числа носителей и повышения их языковой компетенции.

В целом отмечают следующие особенности «национализации» (18, с. 219) украинской нормы – процесса, происходящего при изменении представлений о «языковом идеале»: 1) ориентация на западноукраинскую литературно-языковую традицию; 2) смена

преимущественного источника заимствования в связи с утратой русским языком его престижности; 3) актуализация архаичных форм и лексем. «Национальный» вариант укрепляется за счет усиления роли диалектных и архаичных языковых средств, а также использования языковых средств из других славянских языков, *которые не воспринимаются как угроза специфике национального языка* (18, с. 219) (курсив мой. – О.Б.).

Интересные результаты исследования представлены в работе (4), посвященной проблеме несоответствия между украинской государственной языковой политикой в отношении некоторых СМИ (до конца 2009 г.) и языковыми предпочтениями читателей и зрителей. Автор статьи Ю. Бестерс-Дилгер опирается на результаты опроса в рамках проекта INTAS (International association for the promotion of co-operation with scientists from the New Independent States of the former Soviet Union). В опросе, проведенном в 2008 г., принимали участие 2015 респондентов от 18 до 65 лет из 24 областей, в том числе жители Крыма и Киева. Результаты показали, что 50% респондентов с родным украинским языком читают беллетристику на обоих языках, в то время как среди респондентов с родным русским языком таковых лишь 18%. При возможности выбора языка печатных СМИ на Западе Украины более 75% респондентов предпочли украинский язык, на Востоке 65% (на Юге – 58%) респондентов отдали предпочтение русскому языку.

По результатам исследования делается вывод: «Запад Украины более толерантно относится к телерадиовещанию на русском языке, чем Восток и Юг Украины по отношению к вещанию на украинском языке. Интересно также, что Восток и Юг, о которых часто говорят как об одном “блоке”, отличаются по степени толерантности к украинскому языку, которая оказалась меньше на Востоке» (4, с. 322).

Значительную угрозу идентичности представляет глобализация, точнее процессы, которые происходят вместе с ней. Как заметил К. Штайнке, «глобализация отнюдь не улица с односторонним движением, она вызывает к жизни и силы, движущиеся в противоположном направлении» (24, с. 256). Результатом действия этих разнонаправленных сил может быть изменение / размывание идентичности.

Последнее показано в работе М.И. Ермаковой (10) на примере идентичности серболужицан (национальное меньшинство, проживающее на востоке Германии). Анализируя сам термин *идентичность*, автор уточняет, что он способен изменяться и носит открытый характер. При этом в случае так называемой «плюрализации» идентичности старые ее критерии, в том числе и язык, ослабевают, что и является основным конфликтом в ситуации глобализации.

Автор констатирует «расколотость» серболужицкой национальной идентичности и наличие двойной национальной принадлежности, что проявляется во взаимодействии серболужицкого и немецкого языков, культур и этнических образцов. Автор проследживает развитие серболужицкого языка как базового компонента формирующейся серболужицкой идентичности. «Создание серболужицких литературных языков, – пишет М.И. Ермакова, – способствовало преодолению чувства национальной неполноценности и даже ущербности, которое неизбежно возникало как результат влияния политики дискриминации в отношении серболужицан со стороны немецких властей, проводимой в обеих Лужицах» (10, с. 53).

Кроме того, укреплению национального самосознания способствовало взаимодействие с другими славянскими народами, прежде всего с чехами. При этом в период национального возрождения одной из главных целей являлось сохранение системного своеобразия серболужицкого литературного языка «с учетом данных как серболужицких диалектов, так и фактов других славянских языков... *в качестве критериев славянского характера* для тех или иных явлений серболужицкого языка. Этому способствовали и оценка традиций серболужицкой письменности, и пересмотр отношения к заимствованиям, особенно к германизмам» (10, с. 59) (курсив мой. – О.В.).

В условиях объединенной Германии, как показывает далее автор, меняется характер соотношения двух идентичностей и, соответственно, органично связанного с ним соотношения немецкого и серболужицкого языков. Доминирование немецкой нации над славянским меньшинством, лишенным автономии, оказало решающее влияние на формирование идентичности серболужицан, создало у них «явный комплекс неполноценности, ощущение себя изгоями в обществе, традицию ухода от конфликтов, а также при-

вили им богобоязненность и чувство униженности перед властью господствующей нации. Все эти качества формировали стратегию выживания, которая осуществлялась серболужичанами в условиях непрерывных попыток германизации» (10, с. 67). Автор отмечает, что в отношениях немцев и серболужичан даже после событий 1989–1990 гг. сохраняется предубежденность и даже враждебность, поскольку в новом государстве существует гомогенность, учитывающая в основном интересы большинства. Немецкий и серболужицкий языки в таких условиях также оказываются неравноправными.

Следствием такого положения дел можно считать постепенное снижение общего интереса к национальным проблемам, превалирование локальной идентичности, недостаточного понимания престижности родного языка. Важную роль в формировании такой идентичности, очевидно, сыграл фактор территориальной, профессиональной и этнической разобщенности. Языковой критерий оказывается ведущим именно для людей, имеющих двойную идентичность. Таким образом, «расколота» этническая идентичность ведет к утрате связи между языковым критерием и своей этноидентификацией (как серболужичан). Протесты против общегосударственных решений происходят лишь в исключительных случаях: при сокращении территорий серболужицких деревень, закрытии серболужицких школ и т.п.

Показательна в этом отношении работа Т.С. Богомоловой (6), где автор описывает свои наблюдения, сделанные на летних курсах 2010 г. в Коттбусе (Нижняя Лужица). По мнению исследователя, наряду с реальными противоречивыми процессами существует образ так называемой «идеальной Лужицы», составляющие которого – повсеместное употребление лужицких языков наряду с минимизацией роли немецкого языка (и даже закрепление за ним статуса «запрещенного», используемого лишь в исключительных случаях) и – что оказалось самым неожиданным для автора – «формирование духа панславянской солидарности» (6, с. 296). Наблюдения автора, сделанные в разных условиях, доказывают действенность этой модели. Проявление черт модели «идеальной Лужицы» оказалось наиболее ощутимым именно на языковых курсах, однако «немецкое влияние на культуру лужицких сербов настолько велико и культура Лужицы представляет собой настолько тесный сер-

болужицко-немецкий симбиоз, что сегодняшние лужичане уже этого не ощущают» (6, с. 305).

Иная ситуация взаимосвязи идентичности и языка показана в статье, авторы которой С. Ондрейович и В. Крупа (17) исходят из положения, что для самоопределения этноса рассмотрения языка в его этносигнификативной функции недостаточно. Важным для развития литературного языка в Словакии и для развития словацкого этноса они считают экспансию чешского языка. Отмечается, что письменная коммуникация осуществлялась на чешском языке, а разговорная (устная) – на словацком.

Авторы отмечают также, что активность сопротивления привилегированному положению доминантной языковой группы зависит в том числе *от численности и гомогенности языкового сообщества*. Эта точка зрения подтверждается существующими в Словакии различиями между языковой активностью более многочисленного венгерского языкового меньшинства и активностью прочих языковых меньшинств (курсив мой. – О.В.).

В патриотическом дискурсе, пишут В. Крупа и С. Ондрейович, большое внимание уделяется языку как выразителю идентичности, поскольку язык воспринимается как нечто стабильное. Примечательно, что в другой статье авторы (12) рассматривают на примере Словакии проблему языковых мифов о превосходстве своего языка. «Даже сегодня гипертрофированно политический, и в чем-то националистический, дискурс убеждает нас в том, что словацкий язык – древнейший среди славянских, самый совершенный, исключительный, благозвучный и тому подобное, что он занимает центральное положение среди славянских языков», – отмечается в статье (12, с. 177).

Замечая, что при идентичности национального языка родному он действительно воспринимается как основной признак «мы-группы», К. Штайнке (25) считает этот критерий проблематичным: «Ни одна из идентичностей не имеет универсального значения. При выборе идентичности... каждый раз имеет силу конкретный контекст. Поэтому бессмысленно противопоставлять их друг другу» (25, с. 222). Данное положение иллюстрируется на примере ситуации с национальными меньшинствами в Албании, Румынии, Сербии, Польше, Болгарии. У этих народов обнаруживаются проблемы выбора варианта идентичности, причем колеба-

ния при идентификации происходят из-за разницы критериев, таких как язык и конфессиональная принадлежность: например, православные, по замечанию автора, не признают частью «*мигруппы*» мусульман, говорящих по-славянски. Язык, часто считающийся важнейшим критерием этнической идентификации, вступает в противоречие с другими критериями.

Анализ противоречивости культурно-языкового развития в современном мире представлен в работах Г.П. Нецименко (15; 16), который моделирует строение этнического языка в виде системы, состоящей из двух подсистем: одна из них понимается как подсистема, обеспечивающая высшие коммуникативные функции (регулируемое речевое поведение), другая – как система, обеспечивающая непринужденное языковое повседневное общение (нерегулируемое речевое поведение, или речевое поведение с ослабленной регулируемостью).

В последнем случае решающее значение придается коммуникативной комфортности. Проведение направленной языковой политики возможно лишь в ареале регулируемого речевого поведения, т.е. извне или с помощью автоцензуры. При этом языковая политика может использоваться как во благо, так и во зло социуму; в последнем случае намеренная подгонка языковых реалий и процессов подстраивается под политические установки.

Некомпетентное вмешательство в закономерности внутриязыкового развития демонстрируется на примере чешского языка. «Так, не следует употреблять обращение *slečna* (“барышня” или же наше русское безвозрастное “девушка”), но только *paní* (“госпожа”)... В другом газетном материале предлагается отменить традиционный суффикс *-ová* (ср. *Novák* – *Nováková*) со значением принадлежности, поскольку за границей с этим могут быть политические проблемы: будут думать, что они из бывшего Советского Союза и пр.» (16, с. 277).

Можно совершенно согласиться с замечаниями Г.П. Нецименко о факте форсирования глобализационных тенденций. «Характеризуя данный период, нельзя не отметить еще одно, чрезвычайно важное, на наш взгляд, обстоятельство – это *стремительное ускорение* темпа изменения экстралингвистических обстоятельств. Как известно, эволюция языковой системы в целом, ее внутренних закономерностей протекает не только континуально, но и по срав-

нению с экстралингвистическими обстоятельствами замедленно» (16, с. 279) (курсив автора. – О.В.). В этой ситуации «важна не просто декларируемая на словах культурно-языковая полифония, а то качество, в котором языки и, соответственно, этносы, включенные в эту полифонию, сохраняются» (16, с. 282).

Выводы

Языковая дискриминация, затрагивая прежде всего официальные сферы, вытесняет «неудобный» идиом в локальную сферу бытового общения. Часто эта дискриминация является стремлением новой политики «взять реванш» в языковом отношении. Подобные преобразования могут подкрепляться негативными представлениями о народе – носителе языка, вследствие чего последний мыслится как язык оккупантов / завоевателей. Так, отношение к русскому языку в странах бывшего СНГ, очевидно, было обусловлено его восприятием как одного из атрибутов «советскости».

При использовании языка в качестве идеологического оружия в той или иной степени могут игнорироваться внутренние законы развития самого языка. Очевидно также, что носители языков, подвергающихся дискриминации, теряют гораздо больше, чем просто возможность полноценного общения. «Вопреки требованиям лингвистической ситуации, – пишет, например, Е.А. Погорелая, – этнополитическая составляющая языковой политики постсоветских независимых государств старательно разрушает систему толерантного культурно-языкового взаимодействия народов, нарушает атмосферу психологического комфорта и межэтнического согласия, меняет профессиональные и социальные акценты в ходе целенаправленной стратификации населения по этническому признаку, деформирует аксиологическую шкалу идентификации и самоидентификации не только русского, но и русскоязычного населения.

Этот перечень негативных следствий, порожденных механизмами новой языковой политики, можно продолжить, но признать его объективно необходимым даже для сохранения и совершенствования национальных языков и культур вряд ли можно не только на уровне теоретического, но и обыденного сознания» (21, с. 291).

Список литературы

1. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: В 2 кн. / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – 398 с.
2. Багдасаров А.Р. К проблеме этноязыковой конфликтологии в СФРЮ: Социолингвистический аспект хорватско-сербских отношений // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – С. 119–152.
3. Бакланов В.И. Национализм и этнокультурные, этнополитические и конфессиональные конфликты в Евразии на современном этапе. – М.: Ин-т бизнеса и политики, 2009. – 120 с.
4. Бестерс-Дилгер Ю. Русский и украинский языки в украинских средствах массовой информации, 2005–2009 // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 319–325.
5. Бирюков С.В. Регионализм в современной России: Проблемы и перспективы. – М.: ТЕИС, 2011. – 136 с.
6. Богомолова Т.С. «Славянское единство» как основа для лужицкой идентичности: Особенности выбора языков в условиях славяно-германского многоязычия (на примере летних курсов лужицкого языка и культуры) // Языки соседей: Мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. – С. 292–306.
7. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 283 с.
8. Вингендер М. Противоборство языковой политики и языковой действительности в странах СНГ: Сравнение русско-тюркских языковых сообществ Татарстана и Казахстана // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 237–257.
9. Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 кн. / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – 490 с.; Кн. 2. – 466 с.
10. Ермакова М.И. Серболужицкая идентичность: Основные этапы развития и современное состояние // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нещименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 45–81.
11. Ешич М.Б. «Естественный» язык людей как специфическая знаковая система и феномен культуры: Объективно-исторические причины язы-

- ково-культурного (этнического) плюрализма человечества // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 9–37.
12. Крупа В., Ондрейевич С. Языковые мифы и их миссия // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 164–181.
  13. Мельник Ю.В. Языковая ситуация на фоне глобализации в Украине и в среде постсоветских эмигрантов // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 351–364.
  14. Народы, расы, культуры / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
  15. Нецименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации сквозь призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 38–69.
  16. Нецименко Г.П. Языковая политика и некоторые аспекты ее интерпретации // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 258–284.
  17. Ондрейевич С., Крупа В. К проблеме взаимосвязи языка и идентичности (с учетом данных словацкого языка) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 99–133.
  18. Остапчук О.А. Языковое варьирование как фактор внутренней динамики в современном украинском языке: Уровни и способы манифестации // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – С. 210–238.
  19. Остапчук О.А. Украинский литературный язык в свете социолингвистической типологии славянских языков // Славянское языкознание: XV Межд. съезд славистов (Минск, 2013): Доклады российской делегации / Отв. ред. А.М. Молдован, С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2013. – С. 633–655.
  20. Погорелая Е.А. Русская языковая личность в контексте социокультурной динамики постсоветских государств // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 2. – С. 360–386.
  21. Погорелая Е.А. Языковая политика и этнокультурное пространство русского мира стран ближнего зарубежья // Актуальные этноязыковые

- и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 285–301.
22. Свинчукова Е.Г. Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 264 с.
23. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Наука, 1995. – 512 с.
24. Штайнке К. Глобализация – регионализация и лингвистика // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 249–258.
25. Штайнке К. Конфликт языка и идентичности (на примере славянских меньшинств в Албании, Болгарии, Греции, Польше и Румынии) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности / Отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Кн. 1. – С. 219–233.